

УДК 316.4
ББК 60.524

© Ласточкина М.А., Ласточкин А.Н.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СТРАТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА¹

ЛАСТОЧКИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: mashkop@mail.ru

ЛАСТОЧКИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
Россия, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2
E-mail: last_an@mail.ru

В статье представлен социокультурный подход к анализу российского социума. Целью исследования стало выявление социальной структуры российского региона через анализ социокультурных характеристик современного социума. Показаны существующие в обществе социальные контрасты, структура ценностей. Акцентирована проблема границ социальной дифференциации и ее культурных аспектов. В ходе цивилизационных преобразований и различных этапов своего исторического развития общество порождает и осваивает новые взаимоотношения и связи. По мере развития производства происходит усложнение системной организации объектов, создаваемых в виде продуктов деятельности, что ведет к усложнению взаимоотношений всего человечества. Важнейшее место в цивилизационном развитии все прочнее занимает общество знаний, т. е. общество, основанное на знаниях – это следующая, новая ступень общественного развития. Через образование формируется интеллектуальное, культурное, духовное состояние общества. Социокультурный подход к изучению общества в отличие от социального является более полным, подразумевающим сочетание культурной интеграции и социальной дифференциации. При этом человек с позиции культуры является личностью, с

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-02-00482 «Социокультурные детерминанты модернизационного развития России: методы измерения и анализ причинных зависимостей».

позиции социальной структуры рассматривается как индивид. Множество существующих моделей стратификации российского общества на эмпирическом уровне позволяет фиксировать и анализировать его словесную структуру. В данной работе на материалах социологических исследований показана социальная структура российского региона, обозначены социокультурные характеристики современного социума. Выявлено, что ценностное пространство населения различается в зависимости от места проживания, уровня образования, возраста, пола, детности и т. д. Жизнь в малых городах отличается от жизни в крупных городах и поселках городского типа, население которых ценит независимость. В сельской местности наиболее ценны человеческая жизнь и традиции. Существенные различия в структуре ценностей обусловлены материальным положением. Для людей «обеспеченных», «зажиточных», «богатых» важны не только жизнь человека, семья, порядок, но и благополучие. Материальный достаток индивида во многом достигается благодаря его первостепенной важности среди остальных жизненных ценностей. Эти различия обуславливают определенные группы общностей, существующие в современном социуме.

Социокультурный подход, социальная структура, население, культурные ценности, неравенство.

Любое население представляет собой множество коллективов (групп, общностей, сообществ), существующих обособленно или включенных друг в друга. Элементы коллективов находятся в многообразных, внутренних отношениях между собой, которые усложняются вместе с ростом общественной культуры и личным саморазвитием. Население, распадается таким образом на ряд сообществ, неодинаково прочно связанных друг с другом, подразделяется на определенные слои [14, с. 354]. Коллективные единства занимают среднее (промежуточное) звено между индивидом и обществом (изучаемым населением). Отметим, что социальная структура населения (под социальной структурой понимается совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение общества) в разных исторических эпохах имела свою степень сложности и сочетания разнообразных групп, образуя сложный социальный агрегат [14, с. 355]. Поняв основы бытия коллективных единств, возможно разрешить задачу строения общества. Естественно и очевидно, что индивид может входить в

несколько отличных друг от друга социальных группировок. Так, известный русско-американский социолог П.А. Сорокин выделял реальные и мнимые коллективные единства. Мнимые – это совокупности людей, искусственно созданные исследователем и фактически не связанные друг с другом. Например, группировка людей по типу телосложения, предпочитаемой одежды и т. п. Осуществив статистический анализ, рассчитав процентное соотношение, выявив динамику распределения населения по мнимым группам ничего нельзя сказать о связанности таких лиц друг с другом, так как их существование не влечет никаких подлинных взаимодействий. Безусловно разнятся с мнимыми коллективными единствами реальные коллективные единства, изучение которых дает причинное познание социальных процессов, взаимоотношений коллективов, структуры социальных агрегатов. Между такими коллективами наличествует функциональная (причинная) связь, дающая основу их существованию. По мере ослабления и исчезновения подобной причинной связи между индивидами распадается и само коллективное

единство. Присутствие в обществе большого количества различных связей дает основание для существования множества общностей. В таком случае встает вопрос о разделении и интенсивности взаимодействия формирующихся обществ. Поэтому целью исследования стало выявление социальной структуры российского региона через анализ социокультурных характеристик современного социума.

Степень тесноты функциональной связи между индивидами определяет наличие коллективного единства. Чем больше взаимообусловлено поведение одного человека поведением другого (и наоборот), тем сильнее функциональная связь между ними и теснее интенсивность взаимодействия. Объемлемое таким образом определенное количество индивидов формирует коллективное единство, а во всем (изучаемом) населении создается множество разнообразных общностей. Возникающий набор общностей дает основание для разделения их на непересекающиеся, пересекающиеся или вложенные друг в друга множества индивидов. Например, население одного города находится в территориальном единстве и объединено с другими жителями страны принадлежностью к государству, в свою очередь среди жителей этого города в более тесной функциональной связи находятся представители разных профессиональных (социокультурных) групп. Рассматривая, например, работников сферы образования, можно выделить учителей одной школы, которые находятся в еще более тесной взаимосвязи, чем остальные преподаватели, не работающие в данной школе. Они объединены, кроме связей государства и социокультурной группы [11, с. 415], еще и связями, вытекающими из принадлежности их к одной школе. То есть они образуют новое реальное коллективное единство. Если среди них найдутся члены одной семьи, они

формируют еще более тесное коллективное единство. Представленное разделение является примерным и схематичным, в действительности оно более сложное и многообразное. Однако здесь важен принцип выделения общностей, который основан на «степени функциональной и причинной взаимозависимости между членами данного коллективного единства» [14, с. 362].

В ходе цивилизационных преобразований и различных этапов своего исторического развития общество порождает и осваивает новые взаимоотношения и связи. По мере развития производства происходит усложнение системной организации объектов, создаваемых в виде продуктов деятельности, что ведет к усложнению взаимоотношений всего человечества. Существует множество причин и факторов, удерживающих людей в определенной близости друг с другом. При этом встает вопрос об установлении наиболее важных признаков при элементарном расслоении населения, то есть, на основе каких характеристик происходит группировка в коллективные общности (классы, слои, группы, общества), которые являются социально значимыми.

П.А. Сорокин определил важнейшие элементарные социальные группы, на которые расслаивается современное население (середина XX века) «культурных стран»: расовая, половая, возрастная, по семейной принадлежности, по государственной принадлежности, языковая, профессиональная, имущественная, объемно-правовая, территориальная, религиозная, партийная, психоидеологическая [14, с. 420]. Не вдаваясь в подробности анализа исследований российских и зарубежных авторов (проведенного П. Сорокиным в «Системе социологии»), посвященных социальной стратификации населения (социальная стратификация обозначает систему признаков и крите-

риев социального расслоения, положения в обществе; социальную структуру общества), отметим достаточную полноту и компактность данного набора признаков, в отличие от представленных в работах его современников и предшественников (Л. Гумплович, М.И. Туган-Барановский, В.М. Чернов, Спенсер, Р. Вормс, А. Кост, Парето, Маркс, Гиддингс, Майер и др.).

Задача определения расслоения населения на социокультурные группы по выделенным 13 признакам весьма сложна и трудоемка, но главный недостаток то, что в результате получится колоссальное множество таких общностей. Поэтому встает вопрос о поиске кумулятивных групп, типичных для данного времени и играющих определяющее значение в социальных событиях. Поэтому П.А. Сорокин в качестве искомым групп выделяет такие, которые основаны на кумуляции трех основных «признаков-вех»: профессиональной, имущественной и объемно-правовой. То есть сообщество состояло из индивидов, схожих по профессиям, имущественному положению и социально-правовым интересам, при этом члены группы должны быть солидарны между собой и противоположны к остальным кумулятивным группам. Взаимоотношения таких кумулятивных сообществ, как считает П.А. Сорокин, играли колоссальную роль в социальных событиях XIX и XX веков (например «пролетариат» или «буржуазия» [14, с. 661]).

Однако XX век характеризовался не только социальной стратификацией населения, но и культурной, при этом эти два понятия, на наш взгляд, перекликаются, частично дополняют друг друга, дают более полное и объемное явление – социокультурную стратификацию. Например, творчество в искусстве может быть как любительским, так и профессиональным, художественные и исторические ценности выступают связующим звеном в

межпоколенных и национальных связях. Стратификация культурная в качестве критериев выделения слоев использует такие признаки, как мотивы деятельности, нравственные ориентиры личности, характер и направленность информационных и познавательных потребностей людей, отношение к традициям [9, с. 447]. Здесь возникает вопрос о мнимости и реальности культурных общностей. Отвечая на этот вопрос, стоит вспомнить такие культурные группы, как западники и славянофилы, которые имели в свое время определяющее значение в истории. Интеллектуальные движения оказывали большое влияние на изменения в этике и социальной жизни. Все большее значение стала иметь не только трудовая деятельность (подготовка) но и образование, квалификация, научные и культурные достижения. Связующей цепочкой между культурной и социальной стратификацией служат важнейшие признаки стратификационного разделения – престиж и авторитет. Эти положения рассматривал в своих работах Б. Барбер, определивший измерение социальной стратификации западного общества как многомерное изображение общества с учетом измерений: престиж профессии, степень власти (могущества), доход (богатство), образование (знание), религиозность (национальность). Данный список повторяет основные признаки, выделенные П.А. Сорокиным, с двумя дополнениями: религиозность и образование. Религиозность представляет собой идеологическую связь, соединение индивидов на основе сходных убеждений и верований, общего мировоззрения. Религия всегда имела колоссальное влияние на историческое развитие, на семейную, профессиональную и даже на политически-партийную группировку. Однако применительно к современному обществу XIX века религия утратила свое решающее значение. Все боль-

ший вес набирает уровень образования, когнитивная сторона развития личности. Неравенство людей, обусловленное их образованностью и доступом к институтам образования, проецируется на качественно новые принципы социальной организации. Для изучения особенностей эволюции социальной структуры очень важно осмыслить направления ее развития, определить критерии для оценки прогрессивности или консервативности динамики. Так, важной особенностью постиндустриального общества служат новые теоретические и практические знания, возрастает значимость науки. Основным производственным ресурсом является квалификация людей, растет роль образовательных услуг и новых интеллектуальных технологий. Эти факторы коренным образом меняют принцип социальной структуры общества. Большой вклад в развитие концепции постиндустриального общества внесли труды Д. Белла [2], Э. Тоффлера [19], М. Кастельса [8]. Описывая социальную структуру, они отмечают, что важнейшее место в цивилизационном развитии все прочнее занимает общество знаний, т. е. общество, основанное на знаниях, – это следующая, новая ступень общественного развития. Через образование формируется интеллектуальное, культурное, духовное состояние общества. То есть образование является важнейшей сферой социальной жизни, оно составляет ядро инновационной системы развитого государства. Об этом много писал В.П. Тихомиров [16, с. 7–11], в своих работах он показывает, что качественное образование для всех – это основа формирования общества знаний. Сознание населения XXI века подвержено влиянию информации, поступающей из различных источников всей мировой общественности. Возникающие на этом фоне социально-экономические проблемы ведут к напряжению гуманитарной ситуации.

Изменение мира происходит настолько быстро, что формируется новая цивилизация, происходит формирование «человека информационного», информационного общества. В этом обществе с каждым годом все шире будут использоваться научные знания и высокоэффективные информационные и коммуникационные технологии.

Отметив значимость сферы образования, а соответственно и уровня образованности населения в современном мире, обратимся к дальнейшему анализу ситуации в области измерения социокультурной стратификации. Довольно детальную классификацию, типичную для населения конца 1990-х годов, дает Т.И. Заславская. Согласно гипотезе автора, российское общество состоит из четырех основных социальных слоев: «верхнего», «среднего», «базового» и «нижнего». Кроме того существует еще «социальное дно» (андеркласс) [7, с. 5]. Основные признаки, на основе которых анализируется структура, следующие: уровень образования, самооценка квалификации, основное занятие, основной род деятельности, отрасль занятости, сектор экономики по форме собственности, размер предприятия (организации, фирмы), профессионально-должностная группа, уровень личных и семейных доходов. С учетом того, что получаемые слои будут пересекаться, была установлена иерархия статусных признаков, где за основу взята главная общественная функция индивида – профессиональная деятельность. Полученная структура социально-профессионального строения общества демонстрировала двойственность трансформационных процессов того времени – модернизация рыночных отношений сочеталась с социальным регрессом.

Белорусский социолог Е.М. Бабосов рассматривал взаимосвязи трех стратификационных критериев: имуществен-

ного, социально-статусного и многомерного социокультурного [1]. Дифференциация по имущественному положению делит население на богатых, состоятельных, обеспеченных, среднеобеспеченных, малообеспеченных, бедных и нищих. Социально-статусная дифференциация подразделяет его следующим образом: высший (элита, богатые предприниматели), высший средний (средние и мелкие предприниматели), средний средний (профессура, врачи и юристы), низший средний (учителя, инженеры и т. п.), низший (мало-квалифицированные рабочие, крестьяне и т. п.), паразитический (мафия, рэкетеры, грабители), маргинальный (социальное дно, переселенцы) слои. Социокультурная составляющая представляет собой набор индикаторов, находящихся в сложной и противоречивой взаимосвязи между собой: образовательный, идейно-политический, этнонациональный, религиозно-конфессиональный, мировоззренческий, духовно-культурный, ценностно-ориентационный. Проведенный анализ постсоветского белорусского и российского общества показал, что население представляет собой сложную, изменчивую и хаотично развивающуюся картину социокультурных изменений. Несформированность социально-правового государства отражается на социальном и духовном развитии личности, благополучии и стратификационном строении общества.

Вопросами строения населения занималась Н.Е. Тихонова. В своей работе «Социальная стратификация в современной России. Опыт эмпирического анализа» она подробно исследует аспекты формирования социальных слоев западных стран и приходит к выводу о неприменимости их теории изучения стратификации к российским реалиям в силу особой роли в России государства и многочисленного государственного аппарата [17, с. 27]. Особенно неадекватными являются

модели стратификации, в которых важнейшими признаками являются место индивида в системе отношений эксплуатации, социально-профессиональный и должностной статус. О малоинформативности такого деления (классификации ESOMAR, CASMIN, EGP и т. д.) говорит и Э. Райт, проводивший исследования стратификации российского общества. То есть в современной России наблюдается дисбаланс между материальным положением индивида и его классовой принадлежностью (в рамках западных подходов: неовеберовских, марксистских, неомарксистских). Кроме того причинами неадекватности данных методик в России являются межотраслевое неравенство доходов и региональные (поселенческие) различия [17, с. 29]. И все же, задаваясь вопросом о признаках, на основе которых происходит разделение на слои в современном российском обществе, Н.Е. Тихонова, как и многие отечественные исследователи, выдвигает гипотезу о решающей роли материального положения. Об этом свидетельствуют и ответы населения, участвующего в социологических опросах. Так, главный показатель, по которому опрашиваемые оценивают свое положение в обществе, – это уровень материального положения (70% респондентов). С большим отрывом за ним следует образ жизни (40%), далее – престижность профессии, должность, образование, уважение окружающих и т. д. (11–22%)². В рамках такого относительного подхода Н.Е. Тихонова, Н.М. Давыдова предложили шкалу вертикальной стратификации российского населения, основанную на разработке индекса уровня жизни [18]. Признаки, с помощью которых была построена модель социальной стратификации общества, следующие: субъективные

² Рассчитано Н.Е. Тихоновой по: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: стат. сб. – М.: Росстат, 2006. – С. 124.

оценки наличия наиболее значимых форм депривации, имущественная обеспеченность, наличие недвижимости, качество жилищных условий, наличие сбережений, использование платных социальных услуг, досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами. Получившаяся структура состоит из 4 классов, включающих 11 страт. Класс бедных (страты: нищие, собственно бедные, нуждающиеся), медианных (страта малообеспеченные), средних (нижний средний класс – 5–6-я страты, собственно средний класс – 7–8-я страты), богатых (верхний средний, собственно богатые, элита). Полученная стратификация дает слаженную картину слоевого состава населения России начала 2000-х годов (2003–2006 гг.), она отражает (градуирует) «жизненные шансы» и уровень жизни индивидов, образующих страты. При этом очень подробно учтены социально-экономические характеристики исследуемых респондентов. Однако в построенной модели не нашла отражения проблема сочетания интересов личности и общества как компонента консолидации общества. Исследование противоречий между основными составляющими современного населения: российско-европейской культурой и азиатско-этатистскими практиками социума как совокупности социальных отношений (экономических, политических, социальных, идеологических) между классами (работодатели – наемные работники, чиновники – граждане). По ходу цивилизационных изменений эти противоречия последовательно разрешаются. Традиционная социально-классовая стратификация с острыми конфликтами отходит на второй план, уступая место новой, социокультурной стратификации, которой свойственны солидарность, согласие и толерантность. Присутствие и взаимодействие обеих стратификаций (социальной – классовой и культурного

разделения) порождают социокультурную стратификацию общества. Посредниками в этих взаимоотношениях, как отмечает Н.И. Лапин, выступают социокультурная структура общества (классы, социальные институты и организации, социокультурные страты, территориальные сообщества) и государство.

Рассмотрим подход Л.А. Беляевой, где в основу разделения респондентов на слои были положены три признака: наличие властных функций, материальный уровень, образование индивида [5]. Каждый из этих критериев обладает сильными социально-дифференцирующими свойствами, а при их сочетании достигается эффект разделения населения на социальные слои, различающиеся местом в общественной иерархии [7]. С помощью кластерного анализа население разделялось на пять групп: «старые бедные», «новые бедные», «реалисты», «эксперты», «высокостатусные». Внутри каждого такого слоя находились индивиды, имеющие сходные характеристики, принадлежащие определенному интервалу значений. Воспользуемся данной методикой для определения параметров социальной структуры Вологодской области. По результатам кластерного анализа методом К-средних видно, что население региона достаточно четко структурируется на пять слоев (кластеров), которые условно можно назвать: высокостатусные, эксперты, реалисты, бедные руководители и низкостатусные [3]. Приведем характеристику социальных страт. «Высокостатусные» имеют высшее образование, 5–10 подчиненных, являются «зажиточными». «Эксперты» имеют высшее образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют. «Реалисты» имеют среднее специальное образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют. «Бедные руководители» имеют среднее специальное образование, под-

чиненных в количестве 10–50 человек, являются «необеспеченными». «Низкостатусные» имеют незаконченное среднее образование, являются «бедными», подчиненных не имеют [4]. По данным за 2008 год наиболее широко в Вологодской области представлены «реалисты» (42%), «экспертов» было несколько меньше (27%), «низкостатусные» составляли 1/5 населения области (20%). Следовательно, самыми малочисленными стратами являлись «высокостатусные» (6%) и «руководители» (5%) [12, с. 158].

В 2012 году, вследствие затяжного влияния финансово-экономического кризиса 2008 года существенно изменилась социальная структура населения. «Эксперты» стали составлять самую массовую страту в регионе (35%). Кроме того, их численность значительно увеличилась (на 8 п. п.). Сократились и без того малочисленные страты людей, обладающих властными полномочиями. Так, страта «высокостатусных» сократилась с 6 до 5%. Страта «руководителей» не только уменьшилась с 5 до 3%, но и за счет снижения доходов ее представителей трансформировалась в страту «бедные руководители». Число «реалистов» сократилось на 9 п. п. и стало составлять 31%. В результате доля «низкостатусных» возросла до 27%. Таким образом, в период 2008–2012 гг. наблюдалась высокая социальная мобильность населения, за которой последовало снижение социального статуса значительной части населения.

Социальная стратификация населения отражает специфику Вологодской области – это аграрная провинция, в регионе много бедных с высшим образованием, в основном это работники бюджетной сферы и пенсионеры. Однако полученная группировка населения не дает ответа о солидарности групп между собой, их интересах, образе жизни, убеждениях. Требуется социокультурный подход к изуче-

нию общества, который в отличие от социального является более полным, подразумевающим сочетание культурной интеграции и социальной дифференциации. При этом человек с позиции культуры является личностью, с позиции социальной структуры рассматривается как индивид. В результате получается контуры-циклы: культура – личность – социальная структура – индивид – культура и т. д. [10]. В сфере культуры образуются отношения, интегрирующие общество, однако здесь не исключено влияние существующей конфликтной социальной культуры, в результате на основе этого двуединства формируются социокультурные страты. Они служат современными формами сплоченности индивидов в общества, учитывающими интересы и первого, и последнего, в то же время оказываются источниками неравенства и разделения социума. Отношения конфликтности могут явиться определяющими в ситуации раскола базовых ценностей общества. Основываясь на данных всероссийского исследования «Ценности и интересы населения России», Н.И. Лапин выделяет 4 слоя (кластера) ценностных позиций, которые связывают различные общности согласием и солидарностью либо отталкивают друг от друга конфликтностью и противостоянием. Итак, устойчиво сохраняются и воспроизводятся повседневный гуманизм, инициативный гуманизм, нравственная властность, вседозволенная авторитарность, которые можно объединить в две альтернативные пары ценностных позиций. Повседневный гуманизм в 2010 году поддерживали 78% респондентов России – это, прежде всего, ценности жизни человека и хорошие отношения в семье и с друзьями. Основу инициативного гуманизма составляет то, что человеческая жизнь обретает более высокий смысл, главное в жизни – инициатива, предприимчивость, поиск нового в рабо-

те и жизни, даже если индивид оказывается в меньшинстве. Гуманистически настроенных людей в 2012 году было 74%. Вторую пару ценностей поддерживают 22% респондентов. Нравственная властность означает сочетание властности с высоким нравственным критерием: «в любых условиях красота делает человека лучше и чище», а вседозволенная авторитарность – это такая властность, которая приемлет возможность самому, по своей воле посягнуть на жизнь другого человека. Обратимся к вопросу о ценностных предпочтениях жителей Вологодской области, выявленных в ходе социологических опросов в 2008, 2010, 2012 гг. (мониторинг «Социокультурный портрет региона», проведенный ИСЭРТ РАН в Вологодской области, объем выборок по 1500 респондентов). За четыре года структура ценностей почти не изменилась, за исключением «инициативности», которая в 2012 году по сравнению с 2008 годом стала менее значимой для жителей региона. Наиболее контрастным оказался 2010 год, который характеризовался снижением ценности работы, свободы, инициативности, властности и ростом значимости порядка, традиций и жизни человека как высшей нравственной ценности. Таким образом, в кризисных условиях ценностные ориентации населения раскрывают желание жителей региона сохранить порядок и благополучие, а не готовность к активным действиям [6; 13].

При сохранении общей структуры ценностного пространства для женщин более значимыми являются такие ценности, как семья и общение, для мужчин – порядок и благополучие. В то же время мужчины чаще поддерживают значимость независимости, работы и свободы, женщины – ценность традиции. У молодых людей до 24 лет менее выражены поддержка ценностей порядка, общительности, благополучия, неготовность

перенимать традиционные и общечеловеческие ориентиры общества. Несамостоятельность, нежелание брать ответственность на себя, своеобразие являются характерными качествами молодых людей настоящего времени. Вместе с тем, при общей сниженной планке ценностных мотиваций молодежь региона обладает деятельным потенциалом. Они чаще поддерживают инициативность, нежели взрослое население. Такие ценности, как властность и своевольность, отрицаются многими людьми, при этом наибольшую поддержку находят в молодежной среде. Существенные различия между ценностными категориями молодых людей от 18 до 24 лет и остального населения можно объяснить, с одной стороны, тяготением молодых к иным ценностям, с другой – низкой степенью осмысления ими действительности. Ориентиры молодого поколения являются более подвижными, каждый жизненный период приносит свои ценности, с возрастом значимость определенных ориентиров (семьи, традиций) усиливается.

Семейное положение человека и число детей в семье существенно влияют на его ориентиры. Среди ценностей первого порядка люди, не состоящие в браке, называют лишь жизнь человека. Вдовцы, а также люди, имеющие двух и более детей, отличаются более широким кругом ценностных приоритетов. У людей с разным уровнем образования имеются следующие различия в ценностных ориентирах: респонденты с более высоким уровнем образования считают приоритетными ценностями порядок и независимость, а жизнь человека, семья и благополучие уступают по важности.

Ценностное пространство населения региона различается также по месту проживания. Жизнь в малых городах отличается от жизни в крупных городах и поселках городского типа, в которых преобла-

дает значимость независимости. В сельской местности наиболее ценны человеческая жизнь и традиции. Существенные различия в структуре ценностей обусловлены материальным положением населения. Для людей «обеспеченных», «зажиточных», «богатых» важны не только жизнь человека, семья, порядок, но и благополучие. Материальный достаток индивида во многом достигается благодаря его первостепенной важности среди остальных жизненных ценностей. Так, условно названная группа «богатые»³ более других ценит благополучие и работу. «Зажиточные» дорожат семьей, общительностью и традициями, возможно, это в чем-то сдерживает материальный рост, однако независимость и приверженность работе не допускают снижения материального уровня. «Обеспеченные» высоко ставят ценность порядка и свободы. «Необеспеченные» меньше ценят благополу-

³ «Богатые» – респонденты, оценившие свое материальное положение как «Практически ни в чем себе не отказываем». «Зажиточные» – оценившие свое материальное положение как «Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи». «Обеспеченные» – оценившие свое материальное положение как «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг». «Необеспеченные» – оценившие свое материальное положение как «На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна». «Бедные» – оценившие свое материальное положение как «На повседневные затраты уходит вся зарплата». «Нищие» – оценившие свое материальное положение как «Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать».

чие, инициативность и работу. «Бедные», в отличие от массива в целом, больше дорожат жизнью человека и меньше – благополучием. Условно названная группа «нищие» высоко оценивает порядок, традиции и наряду с ними своевольность; так же, как и другие плохо обеспеченные слои, они низко оценивают благополучие.

Таким образом, политические и социально-экономические преобразования формируют новые стратификационные модели социума. Анализ социокультурной дифференциации может проводиться с точки зрения различных подходов, каждый из которых внесет свой вклад в понимание происходящих цивилизационных изменений. Вопрос, какие из них эффективнее оценивают ситуацию в России, остается открытым. Однако множество моделей стратификации российского общества на эмпирическом уровне позволяет фиксировать и анализировать слоевую структуру общества, в основе которой лежат материальный фактор и социокультурная идентификация индивида. Процессы информатизации и глобализации трансформируют место и роль человека в нем, человек-личность становится движущим фактором развития общества. Изучение социальной структуры общества могло бы служить основой для принятия управленческих решений, направленных на преодоление неравенства, проявлений депривации, на организацию адресной поддержки уязвимых категорий граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабосов, Е. М. Общая социология [Текст] / Е. М. Бабосов. - 2-е изд., стер. - Мн. : ТетраСистемс, 2004. - 640 с.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество [Текст] / Д. Белл. - М., 1999. - 526 с.
3. Беляева, Л. А. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и регионах [Текст] / Л. А. Беляева // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 25–28 сентября 2007 г. - Курск. гос. ун-т, 2007. - С. 38.
4. Беляева, Л. А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство [Электронный ресурс] / Л. А. Беляева - Режим доступа : http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/3_97_2010_Belyaeva.pdf

5. Беляева, Л. А. Социальные слои в России. Опыт кластерного анализа [Текст] / Л. А. Беляева // Социс. – 2005. – № 12. – С. 27–42.
6. Груздева, М. А. Региональные особенности социокультурного развития [Текст] / М. А. Груздева // Проблемы региональной экономики. – 2014. – № 28. – С. 3–14.
7. Заславская, Т. И. Социальная структура современного российского общества [Текст] / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 5–23.
8. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. – М., 2000. – 512 с.
9. Культурология. XX век: Энциклопедия [Текст] / Гл. ред., сост. и авт. проекта С. Я. Левит ; отв. ред. Л. Т. Мильская. - СПб.: Унив. кн., 1998. - Т. 1: А-Л. – 447 с.
10. Лапин, Н. И. Общая социология [Текст] / Н. И. Лапин. - 2-е, доп. изд. - М. : Высшая школа, 2009. – 415 с.
11. Лапин, Н. И. Социетально-ценностные функции интеллигенции [Текст] / Н. И. Лапин // Знание. Понимание. Умение.- 2007. – № 1. – С. 4–32.
12. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст]: монография / А. А. Шабунова, К. А. Гулин, М. А. Ласточкина, Т. С. Соловьева. - Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.
13. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений) [Текст]: монография / под научным рук. М. К. Горшкова, В. А. Ильина. - Вологда: 2015. - 446 с.
14. Сорокин, П. А. Система социологии [Текст] / П. А. Сорокин. - М. : Астрель, 2008. – 1003 с.
15. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006. [Текст] : стат. сб. - М. : Росстат, 2006. – С. 124–126.
16. Тихомиров, В. П. Качественное образование в информационном обществе, основанном на знаниях. Стратегическая программа развития для России [Текст] / В. П. Тихомиров // Открытое образование. - М. : Изд-во МЭСИ, 2007. – С. 7–11.
17. Тихонова, Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа [Текст] / Н. Е. Тихонова. - М. : Институт социологии РАН, 2007. – С. 27.
18. Тихонова, Н. Е. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества [Текст] / Н. Е. Тихонова, Н. М. Давыдова, И. П. Попова // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 3–21.
19. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. - М., 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: mashkor@mail.ru. Тел. (8172) 59-78-10

Ласточкин Александр Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела. Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний». Россия, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2. E-mail: last_an@mail.ru. Тел.: (8172) 51-46-12.

Lastochkina M.A., Lastochkin A.N.

SOCIOCULTURAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF STRATIFICATION IN MODERN SOCIETY

The article presents a sociocultural approach to the analysis of Russian society. The aim of the study is to identify the social structure of the Russian region through the analysis of socio-cultural characteristics of modern society. The authors show current social contrasts and the structure of values in society. The problem of boundaries of social differentiation and its cultural aspects is considered. In the course of civilizational transformation and various stages of its historical development, society generates and develops new relations and connections. With the development of production there is a complication of systemic organization of the objects created in the form of products and activities, which leads to a complexity of relationships of all mankind. The most important place in civilizational development belongs to a knowledge society, i.e. society based on knowledge – it is the next and new stage of social development. Through education the intellectual, cultural, spiritual condition of society is formed. The socio-cultural approach to the study of society, unlike the social approach, is more complete, involving a combination of cultural integration and social differentiation. At that, man from the position of culture is a person, and from the perspective of social structure – an individual. Many existing models of stratification of Russian society at the empirical level help record and analyze its layered structure. In this paper, on the materials of sociological studies, the authors show the social structure of the Russian region and identify socio-cultural characteristics of modern society. It is revealed that the value space of the population varies with place of residence, level of education, age, sex, childbearing, etc. Life in small towns differs from life in the big cities and urban-type settlements, where the population appreciates independence. In rural areas, human life and traditions are most valuable. Significant differences in the structure of values are due to the financial situation. For people who are “wealthy”, “well-to-do” and “rich” not only human life, family, order are important, but also well-being. The financial prosperity of an individual is achieved largely due to its paramount importance among other values. These differences result in the existence of certain groups of communities that can be seen in modern society.

Socio-cultural approach, social structure, population, cultural values, inequality.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lastochkina Mariya Aleksandrovna – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: mashkop@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Lastochkin Aleksandr Nikolaevich – Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Research Associate at the Research Laboratory of the Organization-and-Research Department. Federal State-Owned Educational Institution of Higher Education Vologda Economics and Law Institute of the Federal Penitentiary Service. 2, Shchetinin Street, Vologda, 160002, Russian Federation. E-mail: last_an@mail.ru. Phone: +7(8172) 51-46-12.